
«ВСЕ БЫЛО ИМЕННО ТАК...»*

Вокруг «ГУЛАГа»...

*Шмеман А., прот. Собрание статей, 1947–1983 /
сост. Е.Ю. Дорман. 2-е изд. М.: Русский путь, 2011*

Несколько времени тому назад по французскому телевидению была передана беседа, целиком посвященная только что появившемуся французскому переводу «Архипелага ГУЛАГ». В этой беседе принимало участие несколько французских журналистов, в том числе и коммунисты. Чтобы понять атмосферу этого дебата, нужно напомнить, что тема о Солженицыне уже давно стала во Франции, особенно же среди французских интеллектуалов, своеобразным динамитом. В стране, где чуть ли не одна пятая населения голосует за коммунистов, где почти вся интеллигенция, за сравнительно немногими исключениями, так или иначе «флиртует» с марксизмом, где по поводу самой теоретической и невинной критики коммунизма сразу же раздаются вопли о фашизме, Солженицын с самого начала оказался камнем преткновения и раздора. Все это объясняет то, почему Жан Даниэль¹, редактор «левого» (но не коммунистического) еженедельника «Лё Нувель Обсерватёр», счел нужным — за несколько дней до встречи на телевидении — объяснить и оправдать свое в этой встрече участие в специальной передовице, объяснить и то, почему этого спора ждали с особым интересом. Не имея возможности остановиться на всех последовавших за этой встречей реакциях, я хочу привести здесь только отзыв о ней писателя и журналиста Мориса Клавеля², заведующего в том же еженедельнике хроникой телевидения. Клавель — католик, но крайне «левый» католик, широко известный своим участием именно в «левой» политике. И именно поэтому его отклик на спор о солженицынском «ГУЛАГе», переданный французским телевидением, представляет совершенно исключительный интерес.

«Двадцать миллионов! — так начинает свою статью Клавель. — Я цитирую: двадцать миллионов... Итак, Советский Союз потерял двадцать миллионов жизней из-за Гитлера и двадцать миллионов из-за Сталина. Впрочем, нет! Если бы только из-за Сталина! Мы, которые достигли сознательного возраста

* Зарубежье. Мюнхен. Сентябрь—октябрь 1976, № 3–4.

¹ Даниэль Жан (р. 1920) — писатель, левый журналист, основатель социалистического журнала «Le Nouvel Observateur». — *Прим. сост.*

² Клавель Морис (1920–1979) — писатель, журналист в журнале «Le Nouvel Observateur», сформировавшийся в лоне католичества и монархизма, после 1968 г. защитник Солженицына и антитоталитаризма в левых кругах. — *Прим. сост.*

около 1937 года и которых большие московские процессы оттолкнули тогда от коммунистической партии, — мы наивно верили, что эти гигантские чистки начались только тогда. Я верил в это еще только три недели тому назад. Я верил в это до этой неслыханной книги, этой грандиозной эпопеи Тьмы и Света, этого документа, этой Книги (с большой буквы) нашего второго полустолетия, до этого кошмара, который на года останется у нашего изголовья и имя которому “Архипелаг ГУЛАГ”. После него уже нельзя думать, как прежде. Попервоначально он отнимает у нас голос, а этого со мною еще никогда не случилось. Кажется почти невозможным узнать все это и продолжать жить! В чем же тогда неистребимая наша надежда, если не в том, в чем видит ее Солженицын?» И Клавель продолжает (я цитирую): «Пусть поймут коммунисты: после этого уже невозможно противопоставить им ни возмущения, ни даже гнева! Мы настолько выше, настолько дальше всего этого! Остается вопрос: когда же это началось? В 37-м году? В 31-м, 25-м, 22-м, 17-м? Но почему же уже в 1880 году пишет Ницше: “Социализм молча готовит свое царство террора”? Почему в 1845 году пишет Прудон юному Марксу: “Дорогой господин Маркс, я уважаю Вас и восхищаюсь Вами, но от Ваших идей мне страшно становится за человеческую свободу”?»

И вот Клавель передает слова Даниэля, сказанные им во время спора, Даниэля, который всю свою жизнь свет и свободу видел только «слева». Я цитирую: «Как можно, — спрашивает Даниэль, — утверждать одновременно, что Солженицын лжет и что он всего лишь повторяет то, что и без него известно? Как можно, чтобы его свидетельство не встряхнуло все человечество? Почему так мелочны и бездарны реакции на него?» И внезапно, со взором, как бы обращенным внутрь: «Несколько раз, не слишком часто, но достаточно часто, я замалчивал революционные зверства, чтобы не давать оружия и удовлетворения правым. Но с этим покончено. После “Архипелага ГУЛАГ” это для меня невозможно...».

«Что можно прибавить к этому? — спрашивает Клавель и продолжает (цитирую дальше): — В сущности все это только отчасти относится к Советскому Союзу, к Марксу. Речь идет об *идеологии* и о *человеке*. “Самые страшные злодеи Шекспира, — замечает Солженицын, — убивают не более десяти человек, ибо у них нет идеологии”. И вот, — продолжает Клавель, — Солженицын задумывается о себе, о своей собственной природе, обо всем том, что и из него могло бы сделать палача, поставить на сторону палачей... И если он обращается к Богу, то потому, что только Бог может открыть человеку его границы, границы власти его над другим человеком... Вот уровень, на котором в тот вечер защитники человека — несводимого, единственного, незамеченного в нем — вели свою беседу». И Клавель заканчивает свою статью вопросом: «Нужно ли после этого говорить об аргументах противной стороны (то есть коммунистов и всех, к ним примазывающихся)?» И сам отвечает: «Нет. Но не для того, чтобы их замолчать, но для того, чтобы спасти их от пригвождения к позорному столбу. И это относится, — замечает Клавель, — в первую очередь не столько к

коммунистам, сколько к писакам-интеллигентам, подделывающимся к ним. Именно они войдут в бессмертие вместе с Солженицыным, как вошел в него Зоил вместе с Гомером...».

Когда-то я спрашивал: в чем удивительная, единственная сила Солженицына? И, спрашивая, думал: а может быть, ограничена она, эта сила, только нами, русскими? И вот ответ. Если так реагируют на «Архипелаг ГУЛАГ» «левые» французские интеллигенты, про которых действительно можно сказать, что их ничем не удивишь, то это значит, что сила солженицынского свидетельства подлинно всемирна.